

ДИСКУССИИ СМЫСЛЫ ИСТОРИИ РОССИИ

С.А. Никольский

РОССИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ: ОПЫТ ПОНИМАНИЯ

Никольский Сергей Анатольевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: s-nickolsky@yandex.ru

Интерес к отечественной философии истории, возникший вновь после длительного перерыва около тридцати лет назад, наблюдается и сегодня. В соответствии с предложенной в статье гипотезой, в истории России четко просматриваются неизменные в своей основе константы общественного бытия – империи, самодержавия, собственности–власти (собственности/бессобственности), народности и православия. Константы, с одной стороны, это способ организации и функционирования общества, а с другой, ментальные структуры, которые задают ограничения или простраивают директории общественного экономического, социально-политического и культурного развития, способствуют появлению соответствующих им социальных акторов, блокируют появление акторов иной природы. Вопрос о неизменности или сменяемости набора констант – центральный, тесно связан со специфической частью философии истории – представлениях о желаемом будущем. В его прояснении особую и пока не осмысленную исследователями роль играет художественная философия (философствующая литература), без которой целостная философия истории невозможна. В ответ на запрос со стороны философии истории литература откликается как своей природой – удовлетворением человеческой потребности в понимании должного, прекрасного и безобразного и пр., так и специфическими жанрами утопии, антиутопии и документальной прозой, из которой философии истории посылается сигнал – запрет на воспроизведение в будущем зла, однажды человеком пережитого.

Ключевые слова: философия истории, константы, история, литература, общество, человек, власть, культура, традиции, новации

Интерес философов к проблематике философии истории, вновь после длительного перерыва возникший в конце 80-х гг. XX в., был обусловлен рядом причин. Первая – осознание факта исключительного доминирования марксистских представлений об общественном развитии как сужающего возможности исследовательского поиска. И хотя материалистическое понимание истории К. Маркса в рамках формационного подхода было одной из форм философского взгляда на историю, однако его статус «единственно верного учения» исключал иные философские концепции¹.

Второй причиной, вытекающей из первой, был пробудившийся интерес российских философов к национальному философскому наследию, к его богатой историософской традиции. Среди инициаторов и разработчиков этого направления в первую очередь следует назвать сотрудников Института философии АН СССР (впоследствии – РАН) Л.И. Новикову, И.Н. Сиземскую, А.С. Панарина и Ю.К. Плетникова².

И, наконец, третьей причиной интереса к проблематике философии истории стал импульс, исходивший от развития самого исторического знания, получившего возможности для работы с архивными материалами и совместных – с социологами, экономистами и этнографами – исследований реального исторического процесса. В своей практической форме он обнаружил себя, в частности, и в начавшихся в стране аграрных реформах с их интересом как к отечественным формам крестьянского хозяйства, так и к западным, фермерским образцам, которые рассматривались вариантами будущего российской деревни³. Тогда же были предприняты и первые философские попытки осмысления особенности отечественной философии истории в ее связи с материалом истории аграрных отношений и современной сельскохозяйственной практики⁴.

В начале 2000-х гг. интерес к отечественной философии истории принял форму поиска «фундаментальных основ российской государственности и общественной жизни». По наблюдениям исследователей, развитие страны происходит в парадигме ориентированных на прогресс рывков с неизбежными последующими откатами. Это представление получило описание в

¹ Исследователи отмечали: «...русская философия истории оказалась забытой и отторгнутой от культуры и общественной мысли в советский период вследствие абсолютизации исторического материализма как единственно научной философии истории. Русская историософия... тенденциозно искажалась или попросту игнорировалась» (Философия истории: Учебное пособие / Отв. ред. А.С. Панарин. М., 1999. С. 128).

² В рамках созданной в Институте исследовательской группы, а потом и сектора ими были подготовлены и изданы книги: *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Русская философия истории. Курс лекций. М., 1997; *Философия истории. Учеб. пособие / Отв. ред. А.С. Панарин.* М., 1999.

³ Ведущим ученым – исследователем истории крестьянства был руководитель профильного сектора Института российской истории РАН профессор В.П. Данилов, а возрождение отечественной аграрной социологии и исследований современной сельской экономики в России было связано с именем переехавшего в Россию профессора Манчестерского университета (Великобритания) Теодора Шанина.

⁴ Первым значимым всесоюзным научным мероприятием на эту тему стала проходившая в Полтаве в 1986 г. философская конференция «Мировоззрение и сельскохозяйственная практика». В рамках сектора философских проблем биологии (руководитель профессор Р.С. Карпинская), а в дальнейшем в качестве заведующего сектором философии хозяйства Института философии исследование этой проблематики инициировал автор статьи, в частности, выпустивший в 1990 г. монографию «Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября».

концепциях циклического развития России – регулярного чередования реформ и контрреформ, периодов «авторитарного» и «либерального» развития⁵. И даже когда позитивные преобразования удаются, часть изменений, на которые рассчитывали реформаторы, либо не происходят, либо принимают далекие от первоначальных замыслов формы.

Из императива целостного понимания исторического процесса исходят Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская, когда подчеркивают необходимость «выявления как его общих закономерностей, так и местной специфики, его структурообразующих “начал”, характера отношений человека с историей, связи настоящего с прошлым и будущим»⁶.

Идею первооснов российской государственной власти развивают А.С. Ахиезер и соавторы, акцентируя три действующих в нашей истории фактора – силы, веры и закона⁷. Однако в их толковании выделяемые факторы имеют отношение прежде всего к власти – важной, но все же части жизнедеятельности сообщества. Также в качестве фундаментальной основы общественного согласия и развития России видят самодержавную власть Ю.С. Пивоваров и А.И. Фурсов, которая сковывает, тормозит развитие гражданского общества. Это «похищение, экспроприация субъектности, а в известном смысле – “европейскости” и “христианскости” в пользу одного сегмента социума и есть великая тайна русской власти и русской истории»⁸.

Отрицать центральную, системообразующую роль власти в становлении и эволюции России вряд ли возможно. Однако это еще не дает ответа на вопросы об обстоятельствах, причинах, механизмах функционирования наблюдающегося в отечественной истории постоянного воспроизводства именно такого типа развития.

Феномену повторяемости (цикличности) российского исторического процесса требуется название. И таковым я предлагаю термин «константы». Он не нов, его уже используют политологи и социальные философы. Так, Е.В. Ермолаева отмечает, что в политике содержательно могут быть выделены константы, в которых фиксируется тождество ее свойств, а также состояний культуры. Константы – особого типа детерминанты, которые постоянно проявляются в общественно-политическом процессе. Именно через них континуум обеспечивает процессы взаимоперехода от статики к динамике и наоборот, тем самым ориентируя нас на познание внутренних динамических свойств изучаемых систем⁹.

Представление о «константных характеристиках локального цивилизационного процесса» и об «относительной устойчивости культур Евразии» разрабатывают ученые Института философии и права Сибирского отделения РАН.

⁵ См., например: Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская Система» как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4. URL: <https://studfiles.net/preview/6311398/> (дата обращения: 21.08.2018); Гулыга А. Русская идея и ее творцы. М., 2003; Зубов А.Б. Циклы русской истории // Вopr. философии. 2005. № 3. С. 161–166; Пантин В.И., Лапкин В.В. Политическая модернизация России: циклы, особенности, закономерности. М., 2007; Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий развития России в XXI в. М., 2011.

⁶ Философия истории. С. 129.

⁷ Ахиезер А.С., Клямкин И.М., Яковенко И.Г. История России: конец или новое начало? М., 2005.

⁸ Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская Система» как попытка понимания русской истории. URL: <https://studfiles.net/preview/6311398/> (дата обращения: 21.08.2018).

⁹ Ермолаева Е.В. Пространственно-временной континуум политики (социально-философский анализ). URL: <http://cheloveknauka.com/v/187246/a/#?page=1> (дата обращения: 20.01.2018).

Среди «констант» евразийского мира как особой цивилизации выделяются его срединность, симфонизм ритмики, западный дрейф антропоточка¹⁰. Результатами социогуманитарных исследований этнокультурного «массива Евразии», проводившихся под руководством академиков А.П. Окладникова, а затем А.П. Деревянко, стало признание его непрерывности и сохраняющегося на протяжении тысячелетий относительного культурного единства, что говорит о цивилизационной общности народов, населяющих обширные пространства Евразии и обладающих рядом константных характеристик¹¹. Авторы подчеркивают, что принятая ими исследовательская традиция «изначально выделяла цивилизации по некоторым устойчивым, константным характеристикам, неизменным на всем протяжении локального цивилизационного процесса. Так, еще П.А. Сорокин писал: «Каждая из больших культурных систем и суперсистем зиждется на какой-то основной предпосылке, получившей выражение в философском принципе, прасимволе или конечной ценности, который цивилизация порождает, развивает и реализует на протяжении своего жизненного пути, во всех своих компонентах или подсистемах»¹².

В разработке проблематики констант авторы исследования идут еще дальше, усматривая их, например, в русском национальном характере, как среди его достоинств, так и среди изъянов. «Изъяны русского национального характера – и это хорошо известно – в большинстве случаев являются оборотной стороной его достоинств, причем последние незаметно переходят в свое отрицательное качество, если переступается некая разумная мера. Неслучайно едва ли не главный недостаток русского национального характера многие мыслители, те же Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, усматривали в *избыточной страстности, в безмерности* русской души, ее готовности переступить любые пределы, всюду дойти до крайности, до последней черты. Еще Достоевский отмечал, что русский человек – “человек крайностей”. Недаром европейский социализм именно у нас принял самую радикальную – революционную форму. Заметим, что именно у нас столь же радикальную форму принял в 1990-е гг. и “рыночный капитализм”, когда в одиночасье исторического времени либерал-реформаторы ухитрились попрасть и осмеять тысячелетние ценности России. ... У нас почему-то у руля властной машины удерживаются не разумные политики, склонные к целостному видению и системному реформированию страны, типа Андрея Курбского, Сперанского, Чаынова или Косыгина, а рассудочно зашоренные радикалы типа Ивана Грозного, Никона, Троцкого или Егора Гайдара»¹³.

Таким образом, российские историки, философы, политологи и культурологи, вступая в диалог с более чем столетней отечественной традицией, обращаются к разным аспектам того, что можно назвать константным – фундаментальным и повторяющимся в общественном бытии.

* * *

Константный характер российского бытия проявляется, во-первых, в способе организации и функционирования общества как произвольно сложившегося, так и целенаправленно в исторической общественной практике

¹⁰ См.: Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация. Новосибирск, 2010. С. 130–211.

¹¹ Там же. С. 130–131.

¹² Цит. по: Евразийский мир. С. 131.

¹³ Там же. С. 135–136.

создаваемого; и, во-вторых, в фундаментальных, устойчивых и воспроизводящихся в сознании индивида и в общественном сознании ментальных структурах, которые, с одной стороны, задают ограничения, а, с другой, способствуют простраиванию директорий общественного экономического, социально-политического и культурного развития. Под их влиянием и в их русле возникают и действуют отвечающие их природе акторы – персоны, группы, институты (Д. Норд), в то время как другие, природе констант не отвечающие, разными способами властью или обществом блокируются. Константы общественного бытия задают характер его собственного развития, а также тип и характер его взаимосвязи с географической средой и другими сообществами. Впрочем, в последнем случае константы не только определяют характер этих взаимосвязей, но и обуславливаются ими.

Исходными и фундаментальными российскими константами я вижу константы империи, самодержавия и соединения власти и собственности (собственности/бессобственности), народа (народности) и православия¹⁴.

В особых отношениях с константами – в диапазоне от критики (вплоть до полного отрицания) – до поддержки (включая апологетику или сервильную пропаганду) состоит культура. И важно рассматривать не только ее, культуры, реакцию на константы и реализующих их акторов, но и обратную реакцию на культуру со стороны государства и акторов. При этом следует иметь в виду и то, что «есть ритм обращения к тем и иным ценностям прошлого: видимо, это ритм развития культуры то вширь, то вглубь»¹⁵. Именно при нем возникают «вечные ценности – магазин готовых шедевров». «...Но это только у нас спрос подчиняется магазину, обычно же – магазин спросу»¹⁶.

В истории России известны случаи, когда озабоченные повышением эффективности управления общественным развитием государственные деятели ясно формулировали содержание констант, хотя и не использовали сам термин. Пример – «уваровская триада», высказанная в 1832 г. концепция о том, что народное просвещение должно согласовываться с истинно русскими «хранительными началами Православия, Самодержавия и Народности» – вернейшим залогом силы и величия Отечества¹⁷. При этом самодержавие как тип русской власти и православие как тип русской веры определяют содержание народности, а все вместе они составляют фундамент и условие неизменности главных характеристик государства и устройства общества.

Другой государственно рассуждавший и познавший народное сознание мыслитель, Лев Толстой, как известно, задумывал роман о «силе завладевающей», экспансионистской – главном божеском призвании русских. Мысль о мирном завоевании необъятных восточных пространств, к примеру, неоднократно высказывал в «Анне Карениной» его любимый герой Константин Лёвин. При этом Толстой, как известно, был непримиримым критиком насильственных и неизбежно кровавых российских территориальных захватов на Кавказе.

Спустя век еще один государственный человек, помощник по международным делам последнего Генерального секретаря ЦК КПСС и первого Президента СССР М.С. Горбачева, Анатолий Черняев о «силе завладевающей»

¹⁴ Об этом подробнее см.: *Никольский С.А.* Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября. М., 2017.

¹⁵ *Гаспаров М.Л.* Филология как нравственность. М., 2012. С. 227.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Развернутое толкование триады С.С. Уварова находим у Дмитрия Хомякова – сына известного славянофила: *Хомяков Д.* Православие. Самодержавие. Народность. Монреаль, 1983. Среди современных авторов на эту тему см., например: *Гулыга А.* Русская идея и ее творцы. М., 2003. С. 58–97.

в момент краха советской империи высказывался так: «Михаил Сергеевич оказался менее прозорливым, чем Ельцин со своим звериным чутьем. Горбачев боялся, что русский народ не простит ему отказа от империи, а русскому народу оказалось наплевать. ...И к тому же единство России держалось на самодержавии губернаторов-наместников, то есть на регионализме и казачестве. И то и другое являло собой *сугубо русское имперское начало целостности государства* (выделено мной. – С.Н.), а также природную склонность и способность русских к слиянию с местным населением. И, конечно, военная сила...»¹⁸. Снова: самодержавие и империя¹⁹, как и века назад.

Определений империи, как реально существовавших государств такого типа, было много, и по этой причине единого определения нет²⁰. Что же до Российской империи и СССР как континентальной империи, соединяющей в себе метрополию-центр и колонии-регионы, то для них, по моему мнению, характерны следующие черты, в чем-то повторяющиеся у других империй, в чем-то уникальные:

- максимизация территориального расширения для достижения экономических и политических целей как важнейший принцип государственной политики. Задача присоединения народов была вторичной; отсюда – отношение к присоединяемым как к подданным, подлежащим унификации;

- построение закрытой самодостаточной политической, экономической и общественной системы (концепция «святой Руси», «железного занавеса»); уверенность, что все за пределами России чуждо и враждебно ей;

- представление о наличии у страны особой миссии; «сверхидеям» православия, «Третьего Рима», «пролетарского интернационализма», «оплота мирового коммунизма» приписывалась истинность и даже божественный характер;

- обязательность сакральной фигуры вождя (самодержца – наместника Бога на земле, «отца народов», генерального секретаря, президента), наделенного всеобъемлющей властью; в соответствии с его мировидением принимаются главные внешне- и внутривнутриполитические решения, корректируются и «усовершенствуются» законы, строятся и перестраиваются государственные институты;

- гражданственность как политическая и экономическая свобода и самодеятельность населения в сравнении с государственной несвободой, подданством (службой, бюджетным содержанием) вторична и подавляется; ее экономические, политические, правовые и культурные формы минимизируются или превращаются в симулякры, подчиненные самодержцу и бюрократии;

- значимость отдельного человека сводится до значимости мелкой детали большого механизма, его личностные начала и интересы игнорируются; реализуется цель гомогенизировать население.

В сравнении с другими общественно ценными явлениями и процессами (демократия, свободы и права человека, разделение властей, верховенство права, политическая нация, гражданское общество) константы – структуры

¹⁸ Черняев А.С. Приближение к обрыву. Из дневника помощника президента СССР Анатолия Черняева // Независ. газ. 20.03.2017. URL: http://www.ng.ru/ideas/2017-03-20/8_6952_ussr.html (дата обращения: 20.01.2018).

¹⁹ Употребляя термин «империя», я не придаю ему негативного смысла. Более того, уверен, что субъективная составляющая в этом феномене в России существенно меньше, чем обычно представляется, и что, напротив, велика доля отражаемых им объективных факторов и условий.

²⁰ «...Никакого общепринятого определения империи не существует», – констатирует один из наиболее компетентных в этой теме специалистов (Миллер А.И. История империй и политика памяти // Наследие империй и будущее России. М., 2008. С. 27).

первичные, базисные и фундаментальные. Именно непонимание вторичного характера перечисленного по отношению к константам, небрежение ими или попытка использовать в сугубо корыстных интересах были причиной провала попыток одномоментно «европеизировать» Россию, которые в последние десятилетия предпринимались отечественными радикал-либералами.

О формировании российских констант – империи, самодержавия и соединения власти и собственности – можно говорить, начиная с Ивана Грозного. Идея империи, наряду с прочим, раскрывала ориентацию страны на пространство как неиссякаемый источник природных и людских ресурсов. Самодержавие было избрано в качестве формы организации жизни и государственного управления. Что же до механизма слияния власти и собственности с опорой на насилие, то он оказался идеальным инструментом развития империи и поддержания самодержавия в работоспособном состоянии. С его помощью верховная и низовая власть обеспечивала добровольное расположение и подчинение одних и принудительное управление другими.

Для раскрытия двойной направленности механизма слияния власти и собственности, наряду с термином «собственность» требуется употребление и термина-антипода «бессобственность». При этом оба относятся не только к вещно-материальному миру. Наряду с вещным, фиксируемым правом юридическим значением, категория «собственность» обозначает свободу или несвободу человека распоряжаться самим собой, быть собственником самого себя или пребывать в зависимом состоянии²¹. Термин «бессобственность», как подметил публицист М.Ю. Берг, сопрягается (рифмуется) с понятием «бессовестность» и даже «безбытность». Совесть, совестливость произрастает не только из отношений с другими, но прежде всего из собственности человека на самого себя. В этом качестве она требует от индивида честности, ответственности, решимости, неспешной внимательности, волевого усилия. И хотя собственность как обладание вещью также не исключает совестливости, но поскольку в этом случае человек вступает в конкурирующие отношения с другими – продуцирует «недоброжелательную общительность», как выразался Кант в своей концепции философии истории, и руководствуется мотивами «корыстолюбия», «честолюбия» и «властолюбия»²², – то и совестливость проявляет себя далеко не всегда.

Особого разговора, далеко выходящего за рамки одной статьи, заслуживает константа «народ». В уваровской трактовке производная от народа – народность – означала органическое единство самодержца и окормляемого им подданного (и податного) православного населения. При этом к собственно народу, вплоть до второй половины XIX в., когда началась дифференциация крестьянства (собственно народом и именуемого), отношение было как к некоему однородному целому. Вспомним, что даже у Пушкина, за редким исключением, среди народа мы не находим личностей. Только-только они начинают проглядывать сквозь иронию Гоголя, и лишь в середине столетия «необщее выражение лиц» появляется в прозе Тургенева. Что же до позднейших размышлений философствующих писателей-классиков,

²¹ Подробным образом проблема «собственности» и «собственного» рассмотрена В.В. Библихиным. Обращая внимание на скрытую полярность *своего, собственного*, он отмечает, что глубже значения физической и юридической принадлежности эти понятия несут смысл подлинного, родового, родного, интимного, т. е. такого, что не находится во владении лица, а, наоборот, владеет им (*Библихин В.В. Собственность. Философия своего*. СПб., 2012. С. 99–102).

²² *Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 11.*

то им, как, например, Льву Толстому и Достоевскому, было свойственно стремление видеть в народе целостность («роевое единство»), которому изначально присуще нечто доминантно-благостное. Позднее же, в то время как знатоки жизни Лесков и Чехов без прикрас изображали народ (крестьянина), живущего «звериной жизнью», но все же сочувствовали ему, Горький, реалист и критик, свое отношение к народу неизменно сопровождал чувством презрения-удивления перед его звериной сущностью²³. Особого анализа требует явление объединения в народ разных социальных и этнических групп перед лицом общей опасности, а также их исторические формы (например, «советский народ»).

Что же, наконец, до уваровской константы «православие», то подобно константе «народ» она также требует специального рассмотрения. Пока же замечу лишь следующее. Из-за несостоявшейся в России реформации с формальным отделением церкви от государства, равно как и, напротив, состоявшимся насильственным отъединением православия от народа (трагедия раскола), в дальнейшем православие всегда было самодержавию подчинено. При этом в лице своих иерархов оно далеко не всегда о народном окормлении заботилось, сосредоточиваясь на извлечении максимума выгоды для себя. Приведу лишь выдержку из второго философического письма Чаадаева, недвусмысленно высказавшегося на этот счет: «...Известно, что духовенство (на Западе. – С.Н.) показало везде пример, освобождая собственных крепостных, и что римские первосвященники первые вызвали уничтожение рабства в области, подчиненной их духовному управлению. Почему же христианство не имело таких же последствий у нас? Почему, наоборот, русский народ подвергся рабству лишь после того, как он стал христианским..? Пусть православная церковь объяснит это явление. Пусть скажет, почему она не возвысила материнского голоса против этого отвратительного насилия одной части народа над другой»²⁴.

Завершая краткий обзор констант отечественной философии истории, отмечу, что, возникая и воплощаясь в конкретной истории, все константы развивались, в чем-то изменяясь, а в чем-то оставаясь неизменными, и довели свое существование до наших дней.

* * *

Описание предмета философии истории предполагает объяснение его отличия от теории исторического знания. Это давняя проблема в одном из недавних дискурсов предстала следующим образом: «...Историку необходима теория, но теория, не отрывающаяся от исторической почвы; то, в чем он

²³ См., например, его статью 1922 г. «О русском крестьянстве», не публиковавшуюся в России до начала 90-х гг. и содержащую, наряду с прочим, следующее наблюдение: «Я думаю, что русскому народу исключительно – так же исключительно, как англичанину чувство юмора – свойственно чувство особенной жестокости, хладнокровной и как бы испытывающей пределы человеческого терпения к боли, как бы изучающей цепкость, стойкость жизни» (URL: https://royallib.com/book/gorkiy_maksim/o_russkom_krestyanstve.html (дата обращения: 20.01.2018)). Справедливости ради следует привести мнение Басинского – одного из серьезных современных исследователей отечественной литературы, назвавшего горьковскую статью «одним из самых несправедливых горьковских произведений» (*Басинский П. В споре души и разума // Горький М. Книга о русских людях. М., 2000. С. 9*). Впрочем, дальше этого определения исследователь не пошел.

²⁴ Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1991. С. 347.

нуждается, – не всеобъемлющая система, а комплекс теоретических посылок, поднимающихся над эмпирией, но ни в коем случае не порывающих с ней»²⁵. Но если теория истории должна быть именно такой, то она никак не похожа на концепции философии истории, например, Гегеля и Канта. Кроме того, в ней невозможна обязательная для философии истории финальная часть – представления о желаемом будущем, которые вовсе не должны быть связаны с актуальной эмпирией. По этой причине устремленная в будущее кантовская философия истории как априорная «путеводная нить» историкам кажется бесплодной схоластической затеей. Однако означает ли это, что к задаче создания философии истории историки вообще не должны иметь касательства? Думаю, нет.

В предмет философии истории, полагал Карл Ясперс, важной частью входит способ, каким современность отличает себя от прошлого. «Целостная концепция философии истории... направлена на то, чтобы осветить нашу собственную ситуацию в рамках мировой истории. Задача исторической концепции – способствовать осознанию современной эпохи. Она показывает нам наше место в ней»²⁶. С этим историки, пожалуй, согласятся. Но как быть с отсутствующим у историков представлением о желаемом будущем? Ведь «если прошлое дано нам посредством исторической памяти, на страже которой и стоят историки, то будущее предстает перед нами в виде *цели*, которую мы ставим перед собой под давлением внутренней или внешней необходимости. Цели... в суммарном виде определяют собой ход и направление исторического движения»²⁷.

Тезис о целеполагании как моменте внутри философии истории, ориентирующем на будущее, безусловно, важен. Но на чем основываются сами цели? Как возможен определенный образ будущего, если цели людей «расходятся между собой» и определяют «ход и направление» лишь в «суммарном виде». Кроме того, в определении целей решающей часто оказывается воля отдельного лица (вспомним отечественную константу самодержавия), равно как и сопутствующее ему насилие. Похоже, нужно искать дополнительные (если не иные) основания для наполнения смысла устремлений в будущее. И здесь на помощь приходит отечественная философствующая классика («художественная философия») с ее формами утопии, антиутопии и документальной прозы. Обратимся к примеру.

Проблематика представлений о будущем в отдельные периоды общественного развития делается особенно значимой. Таким временем в новейшей отечественной истории была революция 1905–1922 гг., во время которой представления о желаемом будущем обретали политическую и художественную форму²⁸.

В утопии А. Богданова «Красная звезда» (1908) нет места анализу действительности, в чистом виде она – литературный вариант утопической революционно-художественной агитации. Представленное в повести социалистическое общество марсиан давало россиянам зримый образ желаемого коммунистического завтра. Рассуждения о победившем на планете Земля социализме, идеал «цельного человека», производящего «цельную страну»

²⁵ Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // *Вопр. философии*. 1990. № 11. С. 42.

²⁶ Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М., 1991. С. 99.

²⁷ Межуев В.М. *История в зеркале философии // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2016. Т. 47. № 1. С. 31.

²⁸ Никольский С.А. *Жизнь после. О революционных фантазиях политиков и писателей-большевиков – А. Богданова, Н. Бухарина, Е. Замятина, В. Ленина, А. Платонова и Е. Преображенского // Вопр. философии*. 2017. № 11. С. 134–146.

и даже «цельную вселенную», «социалистическое перевоспитание» несознательных, «общечеловеческое объединение», самоотверженный труд и ненормированное (по потребностям) потребление продуктов – все это в популярной форме отражало пункты большевистской партийной программы²⁹. Никого не насторожило, что социалистический рай возможен только после того, как в братские могилы сойдут миллионы (см. продолжение «Красной звезды» – роман Богданова «Инженер Мэнни»).

После Октября та же послереволюционная инопланетная людская масса неожиданно, вопреки духу времени, всплывает в антиутопическом романе-предостережении Е. Замятина «Мы» (1922) о фантазиях большевизма – апофеозе насилия, однообразия бытия и тотальной несвободы. Это будет описание времени по прошествии десяти веков, после того как «героические предки» обуздали «дикое состояние свободы», покорили власти «Единого Государства» весь земной шар и теперь занимаются «уравнением Вселенной». В романе легко прочитывалась идея мировой революции, и не случайно он был назван «пасквилем на социализм». В СССР, как и в «Едином Государстве», во всех сочинениях должны были пропагандироваться только красоты «светлого завтра». Это требование Замятин не выполнил. А вот «Красную звезду» А. Богданова Н. Бухарин назвал романом, который «с трепетом и восторгом читала революционная молодежь».

Но художественная философия включается в философию истории не только размышлениями о будущем. Она полноправный участник в описании и понимании прошлого и настоящего, из которых в будущее перебрасывает «мостики». Хороший пример обнаруживают тексты наиболее философичных авторов 30–60-х гг. прошлого века – Михаила Шолохова, Андрея Платонова и Варлама Шаламова. Что объединяет этих писателей-творцов российской философии истории?

Главное их общее свойство – масштаб и философский характер поднимаемых проблем. В «Тихом Доне» Шолоховым представлена имперская природа России, рассмотренная в связи с феноменом казачества. Имперскому качеству и имперскости как свойству индивидуального и общественного сознания адекватна и оптика авторского взгляда Андрея Платонова. Образы его героев метафоричны и выведены на философский уровень анализа и обобщений. В платоновском мире самодержец незримо присутствует везде. Он – в письме на родину английского инженера Вильяма Перри³⁰, приглашенного в Россию царем Петром. «Верховный человек» – во властных речах, льющих из установленного в бараке землекопов громкоговорителя и в присылаемых колхозному активисту ночных директивах о мерах по раскулачиванию³¹. Самодержец также в неусыпном контроле старушки Федератовны³² и в революционных мечтаниях воина Копенкина³³. И даже тогда, когда Москва Чеснова прыгает с парашютом или спускается в шахту строящегося метро, с ней образ отца-вождя³⁴.

За редким исключением, все платоновские герои не только лишены вещной собственности, но и собственности на самих себя. Всех ведет по жизни внешняя им, но повелевающая чужая воля. И она же, когда герои временно

²⁹ Обратимся, например, к популярному изложению большевистской программы в работе: Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Пг., 1920.

³⁰ Повесть «Епифанские шлюзы».

³¹ Роман «Котлован».

³² Повесть «Ювенильное море».

³³ Роман «Чевенгур».

³⁴ Повесть «Счастливая Москва».

обретают «собственность» на самих себя, их убивает³⁵. В этом – произвольном, основанном на абстрактных идеях и «революционном праве» одних распоряжаться жизнью других, увиденный Платоновым сталинизм не только продолжает описанное Шолоховым, ставшее привычным право людей на войне отнимать друг у друга жизнь, а намного его превосходит. И если у Шолохова основанием убийства является принадлежность к другому народу и атрибутика гражданской войны, то у Платонова самое распространенное основание убийства – несоответствие мировоззренческих представлений соотечественников о мире, о себе и собственной жизни.

В этом же формате – имперского, самодержавного, бессобственного – масштабного охвата как пространства СССР, так и дальних углов сознания человека открывается повествование о ГУЛАГе Варлама Шаламова³⁶. (И, конечно, у всех авторов присутствует анализ константы «народ».) Думаю, столь глубоких размышлений о сознании человека в неволе, равно как и о сознании по другую сторону проволоки, кроме как в художественной философии Шаламова, не найти ни в одной научной дисциплине. А без этого создать целостную российскую философию истории вряд ли возможно, тем более что форма документальной прозы, в отличие от утопии или антиутопии, обнаруживает еще одну незаменимую для философии истории грань. Как бы отвечая на вопрос о желаемом завтра, Шаламов утверждает: в будущем человека не должно быть того, что было ужасной реальностью вчера.

* * *

К вопросам о предмете философии истории важно добавить и те, которые связаны с предложенной концепцией констант общественного бытия, но за ее рамки выходят. А именно: возможен ли и насколько успешным может оказаться в будущем демонтаж константы самодержавия? Как в условиях России могла бы трансформироваться (исчезнуть) константа империи, не грозящая ее возможному распаду? Как по-новому может выстроиться константа собственности–власти (собственности/бессобственности)? В эти вопросы, безусловно, «вшиты», имплицитно присутствуют и вопросы о народе, народности и о его христианском сознании. Однако они – предмет другого исследования.

Список литературы

Ахиезер А.С., Клямкин И.М., Яковенко И.Г. История России: конец или новое начало? М.: Новое изд-во, 2008. 464 с.

Басинский П. В споре души и разума // *Горький М.* Книга о русских людях. М.: Вагриус, 2000. С. 5–10.

Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. 536 с.

³⁵ Так, положившийся на собственное любопытство тонет в озере отец Саши Дванова. Умирает вольно обращающийся с природой, никому не подчиненный и ни с кем не связанный бобыль. Гибнут бессобственные, но, как им кажется, не имеющие над собой внешней воли, жители Чевенгура. Рядом с котлованом умирает лишенная всего собственного и отторгнутая властной волей буржуйка – мать девочки. Перестает жить и-так и не нашедшая ничего своего в новом мире Настя. (Из собственных вещей у нее были лишь устроенные в отнятых у крестьян гробах постель и игрушки.)

³⁶ См.: *Никольский С.А.* Мировосприятие Варлама Шаламова в мировоззренческой литературной палитре первой трети XX столетия // *Поезд Шаламова. Проблемы российского самосознания: судьба и мировоззрение В.Т. Шаламова.* М., 2017. С. 34–43.

- Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука коммунизма. Пг.: Гос. изд-во, 1920. 322 с.
- Гаспаров М.Л.* Филология как нравственность. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 284 с.
- Гулыга А.* Русская идея и ее творцы. М.: Эксмо, 2003. 447 с.
- Гуревич А.Я.* Теория формаций и реальность истории // *Вопр. философии.* 1990. № 11. С. 31–43.
- Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Отв. ред. Ю.В. Попков. Новосибирск: Нонпарель, 2010. 449 с.
- Ермолаева Е.В.* Пространственно-временной континуум политики (социально-философский анализ). URL: <http://cheloveknauka.com/v/187246/a/#?page=1> (дата обращения: 20.01.2018).
- Зубов А.Б.* Циклы русской истории // *Вопр. философии.* 2005. № 3. С. 161–166.
- Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // *Кант И.* Соч.: в 6 т. Т. 6 / Ред. Т.И. Ойзерман. М.: Мысль, 1964. С. 5–23.
- Межуев В.М.* История в зеркале философии // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2016. Т. 47. № 1. С. 25–36.
- Наследие империй и будущее России / Под общ. ред. А.И. Миллер. М.: НЛЮ, 2008. 528 с.
- Никольский С.А.* Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября. М.: Агропромиздат, 1990. 238 с.
- Никольский С.А.* Жизнь после. О революционных фантазиях политиков и писателей-большевиков – А. Богданова, Н. Бухарина, Е. Замятина, В. Ленина, А. Платонова и Е. Преображенского // *Вопр. философии.* 2017. № 11. С. 134–146.
- Никольский С.А.* Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября. М.: ИФ РАН, 2017. 126 с.
- Никольский С.А.* Мировосприятие Варлама Шаламова в мировоззренческой литературной палитре первой трети XX столетия / Поезд Шаламова. Проблемы российского самосознания: судьба и мировоззрение В.Т. Шаламова / Отв. ред. С.А. Никольский. М.: Голос, 2017. С. 34–43.
- Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Русская философия истории. Курс лекций. М.: Магистр, 1997. 328 с.
- Пантин В.И., Лапкин В.В.* Политическая модернизация России: циклы, особенности, закономерности. М.: Русское слово, 2007. 127 с.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* «Русская Система» как попытка понимания русской истории // *Полис.* 2001. № 4. URL: <https://studfiles.net/preview/6311398/> (дата обращения: 21.08.2018).
- Розов Н.С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий развития России в XXI в. М.: РОССПЭН, 2011. 735 с.
- Философия истории. Учебное пособие / Отв. ред. А.С. Панарин. М.: Гардарики, 1999. 223 с.
- Хомяков Д.* Православие. Самодержавие. Народность. Монреаль: Изд-во Братства преп. Иова Почаевского, 1983. 231 с.
- Чаадаев П.Я.* Философические письма // *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. С. 320–441.
- Черняев А.С.* Приближение к обрыву. Из дневника помощника президента СССР Анатолия Черняева // *Независ. газ.* 20.03.2017. URL: http://www.ng.ru/ideas/2017-03-20/8_6952_ussr.html (дата обращения: 20.01.2018).
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.: Полит. лит., 1991. 528 с.

Russian philosophy of history: an essay in understanding

Sergey A. Nikolsky

The outbreak of interest in the national philosophy of history, which occurred about thirty years ago, can be observed today again. The present author's hypothesis is that such entities as empire, autocracy, power-property phenomenon (where no property is real property), Russian ethnic consciousness (*narodnost*) and Orthodoxy can be best described as constant patterns of social life that persist throughout the entire history of Russia. Such patterns, on the one hand, are part of the mechanism responsible for organization and functioning of the society; on the other hand, they are mental structures of a kind that impose restrictions or extend the directory of social, economic, socio-political and cultural development, thus contributing to the emergence of the respective social actors and blocking the emergence of actors of a different nature. The dilemma whether the existent set of constant patterns is inalterable, or it can be replaced by another set, is of central importance and has a direct bearing on that special part of the philosophy of history which deals with ideas about the desired future. In clarifying this dilemma an important role, if still underrated by many scholars, belongs to literary philosophy, or philosophizing fiction, without which any philosophy of history will be incomplete. Literature responds to the demands of the history of philosophy in two ways: by its nature it seeks to satisfy the human need for understanding the beautiful and the ugly, the proper, etc., and again through the works composed in the genres of utopia, anti-utopia, dystopia and documentary prose it warns philosophy of history to never allow a recreation of past evil once experienced by man.

Keywords: philosophy of history, constants, history, literature, society, man, power, culture, traditions, innovations

References

Akhiezer, A. S., Klyamkin, I. M. & Yakovenko, I. G. *Istoriya Rossii: konets ili novoe nachalo?* [History of Russia: the end or a new beginning?]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2008. 464 pp. (In Russian)

Basinskii, P. "V spore dushi i razuma" [The dispute of the soul and mind], in: M. Gorky, *Kniga o russkikh lyudyakh* [The Russian People]. Moscow: Vagrius Publ., 2000, pp. 5–10. (In Russian)

Bibikhin, V. V. *Sobstvennost'. Filosofiya svoego* [Property. Philosophy of the own]. St.Petersburg: Nauka Publ., 2012. 536 pp. (In Russian)

Bukharin, N. & Preobrazhenskii, E. *Azbuka kommunizma* [The hornbook of communism]. Petersburg: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1920. 322 pp. (In Russian)

Chaadaev, P. Ya. "Filosoficheskie pis'ma" [Philosophical Letters], in: P. Ya. Chaadaev, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1991, pp. 320–441. (In Russian)

Chernyaev, A. S. "Priblizhenie k obryvu. Iz dnevnika pomoshhnika prezidenta SSSR Anatolija Chernjaeva" [Approaching the cliff. From the diary of the assistant to the President of the USSR of Anatoly Chernyaev], *Nezavisimaja Gazeta*, 2017, March 20 [http://www.ng.ru/ideas/2017-03-20/8_6952_ussr.html, accessed on 20.01.2018]. (In Russian)

Ermolaeva, E. V. *Prostranstvenno-vremennoj kontinuum politiki (social'no-filosofskij analiz)* [The space-time continuum policy (socio-philosophical analysis)] [<http://cheloveknauka.com/v/187246/af?page=1>, accessed on 20.01.2018]. (In Russian)

Gulyga, A. *Russkaja ideja i ee tvorcy* [The Russian idea and its creators]. Moscow: Jeksmo Publ., 2003. 447 pp. (In Russian)

Gurevich, A. J. "Teorija formacij i real'nost' istorii" [The theory of formations and the reality of history], *Voprosy filosofii*, 1990, No. 11, pp. 31–43. (In Russian)

Jaspers, K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History], trans. from German. Moscow: Politicheskaja literatura Publ., 1991. 528 pp. (In Russian)

Kant, I. "Ideya vseobshchei istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane" [Ideas for a universal history from a cosmopolitan point of view], in: I. Kant, *Sochinenija* [Collected works], Vol. 6, ed. by T. I. Oizerman. Moscow: Mysl' Publ., 1964, pp. 5–23. (In Russian)

Khomyakov, D. *Pravoslavie. Samoderzhavie. Narodnost'* [Orthodoxy. The autocracy. The nation]. Montreal: Bratstvo prep. Iova Pochaevskogo Publ., 1983. 231 pp. (In Russian)

Mezhuev, V. M. "Istorija v zerkale filosofii" [History in the mirror of philosophy], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2016, Vol. 47, No. 1, pp. 25–36. (In Russian)

Miller, A. I. (ed.) *Nasledie imperij i budushhee Rossii* [The heritage of the empires and Russia's future]. Moscow: NLO Publ., 2008. 528 pp. (In Russian)

Nikolsky, S. A. *Vlast' i zemlya. Khronika utverzhdeniya byurokratii v derevne posle Oktyabrya* [The power and the land. The chronicle of the statement of bureaucracy in village after October]. Moscow: Agropromizdat Publ., 1990. 238 pp. (In Russian)

Nikolsky, S. A. *Imperija i kul'tura. Filosofsko-literaturnoe osmyslenie Oktjabrya* [Empire and culture. The philosophical and literary understanding of October]. Moscow: IPh RAS Publ., 2017. 126 pp. (In Russian)

Nikolsky, S. A. "Zhizn' posle. O revoljucionnyh fantazijah politikov i pisatelej-bol'shevikov – A. Bogdanova, N. Buharina, E. Zamjatina, V. Lenina, A. Platonova i E. Preobrazhenskogo" [Life after. About the revolutionary fantasies of politicians and writers of the Bolsheviks: A. Bogdanov, N. Bukharin, E. Zamyatin, V. Lenin, A. Platonov and E. Preobrazhensky], *Voprosy filosofii*, 2017, No. 11, pp. 134–146. (In Russian)

Nikolsky, S.A. "Mirovospriyatie Varlama Shalamova v mirovozzrencheskoi literaturnoi palitre pervoi treti KhKh stoletiya" [Worldview of Varlam Shalamov in the worldview literary palette of the first third of the twentieth century], *Poezd Shalamova. Problemy rossiiskogo samosoznaniya: sud'ba i mirovozzrenie V.T. Shalamova* [Train Shalamov. Problems of Russian self-consciousness: the fate and worldview of V.T. Shalamov], ed. by S.A. Nikolsky. Moscow: Golos Publ., 2017, pp. 34–43. (In Russian)

Novikova, L. I. & Sizemskaya, I. N. *Russkaja filosofija istorii. Kurs lekcij* [Russian philosophy of history. A course of lectures]. Moscow: Magistr Publ., 1997. 328 pp. (In Russian)

Panarin, A. S. (ed.) *Filosofija istorii: Uchebnoe posobie* [The philosophy of history: Tutorial]. Moscow: Gardariki Publ., 1999. 223 pp. (In Russian)

Pantin, V. I. & Lapkin, V. V. *Politicheskaya modernizatsiya Rossii: tsikly, osobennosti, zakonomernosti* [Political modernization of Russia: cycles, features, regularities]. Moscow: Russkoe slovo Publ., 2007. 127 pp. (In Russian)

Pivovarov, U. S. & Fursov, A. I. "‘Russkaja Sistema’ kak popytka ponimaniya russskoj istorii" [The ‘Russian System’ as an attempt to understand Russian history], *Polis*, 2001, No. 4 [https://studfiles.net/preview/6311398/, accessed on 21.08.2018]. (In Russian)

Popkov, U. V. (ed.) *Evrazijskij mir: cennosti, konstanty, samoorganizacija* [The Eurasian world: values, constants, self-organization]. Novosibirsk: Nonparel' Publ., 2010. 449 pp. (In Russian)

Rozov, N. S. *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniya strategii razvitiya Rossii v XXI veke* [Rut and the pass: macrosociological fundamentals of strategies of development of Russia in XXI century]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. 735 pp. (In Russian)

Zubov, A. B. "Tsikly russkoj istorii" [Cycles of the Russian history], *Voprosy filosofii*, 2005, No. 3, pp. 161–166. (In Russian)